

Мифологический персонаж (з)мора / мара в традиции Южного Подлясья в польской и общеславянской перспективе*

Мария В. Ясинская

Avtorica analizira terensko gradivo, zbrano med njeno terensko odpravo na južno Podlasje (regija Łuków-Siedlce-Garwolin na Poljskem) leta 2017, ter osvetli lokalno različico nadnaravnega bitja pod imenom »zmora«. Na tem ozemlju ima zmora funkcijo, ki ni značilna za druge poljske lokalne tradicije, tj. da plete in zapleta grivo konj, pri čemer so informatorji zanemarili tradicionalno zmorovo funkcijo (tj. zadušiti spečega) ali pa je ne omenjajo. Zmora iz južnega Podlasja je obravnavana v širšem poljskem in vseslovanskem pogledu. Avtorica preuči elemente obravnavanega nadnaravnega bitja, kot so ime in izvor nadnaravnega bitja, njegov videz, vedenje, čas dejavnosti, njegove funkcije ter amulete in preventivne ukrepe, ki se izvajajo proti njemu. Avtorica zaključuje, da je na preučnem slovanskem arhaičnem območju zmora delno prevzela funkcije hišnih duhov, kar se odraža v celotnem sistemu mitoloških likov, povezanih z domačo in gospodarsko (govedorejsko) dejavnostjo.

KLJUČNE BESEDE: ljudska demonologija, zmora, kobila, hišni duh, Južno Podlasje, terenske raziskave, slovanska etnolingvistika, Poljska

The author analyzes the field materials collected during her expedition to the Southern Podlasie (Łuków-Siedlce-Garwolin region in Poland) in 2017 and sheds light on the local version of the supernatural being under the name "zmora". In this territory zmora is endowed with a function (not typical in other Polish local traditions) to tangle and braid the horses' manes. Meanwhile the informants put aside zmora's traditional function (that is to suffocate a sleeping person) or do not mention it at all. Zmora from Southern Podlasie is regarded in a wider Polish and all-Slavic perspective. Such parameters as the supernatural being's name, its origin, appearance, behavior, time of the activity, its functions as well as the amulets and preventive measures used against this evil spirit are examined. The author concludes that in the studied Slavic archaic area zmora has partially taken over the functions of the house spirits, that is reflected in the entire fragment of the mythological characters' system associated linked to the domestic and economic (cattle-breeding) sphere.

KEYWORDS: folk demonology, zmora, mare, house spirits, Southern Podlasie, field research, Slavic ethnolinguistics, Poland

* Авторская работа выполнена при поддержке РФФ, проект «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373 (руководитель – акад. С.М. Толстая).

ВВЕДЕНИЕ

При изучении традиционной культуры тех или иных регионов особое внимание обычно уделяется народной демонологии как одной из наиболее архаических сфер духовной культуры. В настоящее время демонологические системы претерпевают изменения под влиянием процессов глобализации, многие верования утрачиваются, однако некоторые мифологические персонажи демонстрируют удивительную устойчивость и сохраняются в народном сознании практически в неизменном виде до наших дней. Одним из таких персонажей является *мора / змора / мара*, широко известная южным и западным славянам, а также вне славянского мира – например, в Западной Европе (фр. *cauchemar*, англ. *nightmare*, нем. *tara, mahr, mare*, гол. *tachtmerrie*, рум. *moroi* (Seso 2016, 58)), выступающая, прежде всего, как персонафикация ночного кошмара; в Средние века она ассоциировалась с инкубами и суккубами (Юсим 1997, 110).

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Исследованию мифологических персонажей, чье наименование содержит корни **mor-/ *mar-*, уделялось достаточно много внимания как в этнографической, так и в лингвистической (этимологической) литературе, однако данная тема все же не может считаться полностью изученной. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» мы находим две статьи, посвященные мифологическим персонажам с такими названиями – это статьи «Змора» и «Мара», автор которых, Е. Е. Левкиевская, выделяет *змору* в качестве отдельного персонажа, тогда как под именем *мара*, по ее мнению, скрывается целый ряд мифологических существ, различающихся генезисом, признаками и функциями. Если *змора* имеет более-менее четкие очертания с точки зрения ее признаков и функций, то именем *мара* могут обозначаться различного рода аморфные привидения (ср. в украинском языке, где данным именем называется «слабо персонифицированное существо, которое невидимой пеленой покрывает людям глаза, затемняет им рассудок, чтобы сбить с дороги и завести в опасное место» (Гринченко 1908: 409)). Наряду с неопределенным обликом, данный персонаж может обладать довольно разнообразными функциями. В ряде вариантов он сближается со *зморой*, с *кикиморой* (прядет), персонажем типа ласки (бел. и пол.), ведьмой (укр. карпат. и украинцы юга России), может ассоциироваться с комплексом представлений о смерти (например, в гуцульской мифологии *мара* – бродячий покойник). Может выступать как олицетворение болезни и смерти (ср. рус. *мор*), ночных кошмаров. Это характерно не только для славянских, но и для других индоевропейских языков: ср. фр. *cauchemar* от др.-фр. *caucher* ‘давить’ и *mare* ‘ночное привидение’. Поскольку характеристики и функции данных персонажей часто бывают в значительной степени размыты, трудно установить, идет ли речь о едином мифологическом существе, имеющем множество диалектных вариаций, или же о различных персонажах, носящих сходные имена.

ПРОБЛЕМА

При исследовании данных персонажей возникает вопрос, на основании чего мы можем судить, с каким из двух персонажей мы имеем дело в каждом конкретном случае, особенно при том, что *мара* в одном из своих вариантов может сближаться со *зморой* (которая, безусловно, как персонаж имеет более четкие и конкретные очертания). Должны ли мы брать за основу имя персонажа, или же основным критерием должны быть его функции, могут ли существовать гибридные, переходные формы? Существует ли «ядерный» набор признаков, позволяющий однозначно атрибутировать персонажа, а какие признаки можно считать периферийными. Носят ли данные комбинации признаков диалектный характер или спорадически рассеяны по всей славянской территории, где известен данный персонаж. Еще К. Мошинский писал о том, что функция и имя мифологического персонажа не связаны между собой неразрывно, напротив, «каждый такой образ <...> складывается <...> из совокупности мотивов поверий, из которых чаще всего один играет главную роль, представляя собой почти кристаллическое ядро во всей совокупности мотивов, другие же [мотивы] являются вспомогательными и сплетают в форме разнородной мозаики их прямую сущность. <...> Отдельные демонологические элементы почти никогда не становятся исключительной собственностью одного какого-нибудь демона, наоборот, они странствуют свободно, ведя в известной степени как бы самостоятельную жизнь; также их генезис является необычайно разнородным» (Moszyński 1934, 607–608). Однако и наоборот: одному и тому же демону в разных локальных традициях могут приписываться различные функции: одни могут доминировать, другие отступать на второй план, становясь второстепенными. Вряд ли нам удастся дать однозначные ответы на перечисленные выше вопросы, но, по крайней мере, попытаемся обозначить проблему на примере такого сложного мифологического персонажа, как *змора* (*мара*) в локальной традиции Южного Подлясья.

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

В настоящей статье речь пойдет о персонаже, обозначенном в словаре «Славянские древности» как *змора* (поэтому именно этот термин используется в качестве основного рабочего в метаязыке настоящей статьи). Работая в 2017 г. в экспедиции в Южном Подлясье по гранту РФ «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический аспект»¹, мы записали поверья и мифологические рассказы о данном демоне. Работа велась в районе населенных пунктов Луков – Седльце – Гарволин, было обследовано 16 сел и деревень, записаны интервью с 25 информантами с 1924 по 1964 год рождения (общей продолжительностью 32 часа). В настоящей статье хотелось бы представить наш экспедиционный материал

¹ В полевом исследовании принимали участие сотрудники Института славяноведения РАН в.н.с. д.ф.н. А. В. Гура и н.с. к.ф.н. М. В. Ясинская. Подробнее об экспедиции см.: Гура 2017; Ясинская 2017.

и «вписать» его в контекст известных по этнографической литературе сведений об обозначенном мифологическом персонаже у славян. Также мы попытаемся установить, можно ли в случае южноподляского комплекса представлений говорить о локальном варианте мифологического персонажа, обозначенного в словаре «Славянские древности» как *змора*, или в данном случае мы имеем дело персонажем типа *мары* или же вообще с двумя различными персонажами (*зморой* и *марой*), обладающими сходным именем (своего рода культурная «омонимия» или «паронимия»).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В словаре «Славянские древности» персонаж *змора* (*мора*, *мара*) определяется как демон, основная функция которого – душить и мучить спящего человека, наваливаясь ему ночью на грудь. Он известен у западных и южных славян, поверья о нем встречаются также в западной Белоруссии и западной Галиции. В восточнославянской традиции мифологические имена, содержащие корни **mor-/ *mar-*, обозначают женских демонов с другим набором признаков (например, *кикимора*, основной функцией которой выступает прядение, путание пряжи по ночам). У восточных славян данная функция приписывается домовому, у болгар – таласыму (домовой дух, происходящий из строительной жертвы). У мифологического персонажа с именем *мара* более широкий ареал, она известна и восточным славянам (бел., укр., карпат.). По утверждению У. Дуковой, исследовательницы болгарской демонологической лексики, этнографы доказали, что представления о демоне *мора* связаны с болезненным состоянием, а именно с временным затруднением дыхания, возникающим чаще всего, когда человек лежит на спине. Она подчеркивает, что представления о демонах, душащих людей во сне, сохранились с древности до наших дней практически в неизменном виде. Долгую жизнь этого слова исследовательница объясняет прозрачностью его этимологии, а также устойчивостью представлений о демонической природе кошмаров (Дукова 2015, 62).

Номинация

Основная модель номинации данного персонажа в славянских языках включает корни **mor-/ *mar-*: з.-бел. *марá*, серб. *морá*, *моравa*, пол. *zmora*, *mora*, *tara*, чеш. *týra*, ниж.-луж. *morawa*, хорв. *mora*, *morina* (Далмация), макед. *mora* ‘кошмар, страшный сон’, словен. *mora*. Однако известны и другие названия данного персонажа, они мотивированы основной вредоносной функцией этого демона – душить, давить человека: *gnieciuch*, *gniotek* (малопол.), *gnotek*, *dusiciel*, *dusiolek* (вост. Польша), словен. *truta* или *trota-mora* (из нем. *treten* «наступать, топтать», ср. также нем. *Trut*, *Drude* «ведьма, колдунья», «мора»); усаживаться на него: *siodlo*, *siodelko* (Малопольша, Подгалье, Польский Спиш); пить кровь: *kripijavka* (словен. из *piti kri* «пить кровь»); временем активности: *nocny diabel*, *nocnica*, *nocula* (вост. Польша), *pošnica* (словац.); внешним видом: макед. *сенка* (‘тень’ охрид). Встречаются и

табуистические названия типа *koszmar* (белостоц. пол.), *šnjava*, *skišnjava* (словен. из *skušnja* «искушение») (Кгореј 2008, 301).

Проблематична как этимология корней **mor-/ *mar-*, так и их родство между собой. Согласно одной версии, лексемы с конем **mor-* сближаются с праслав. **morь* ‘смерть’ (ЭССЯ 19, 214). По другой версии, они восходят к корню **mer-* ‘растирать, тереть’ (Skok 2, 454). Слова с корнем **mar-* то возводятся к праслав. **morь* ‘смерть’ (ЭССЯ 19, 206), то соотносятся с праслав. **manь* ‘манить, морочить, обманывать’ (Фасмер 2, 571). До сих пор не существует единого мнения, стоит ли различать корни *mor* и *mar*, или же они восходят к одному этимону и к какому именно (Валенцова 2013, 52). М. Белетич и А. Лома предприняли попытку обобщения всех предлагавшихся версий этимологии, привели параллели в индоевропейской традиции, обратили внимание на связь исследуемого персонажа с культом мертвых и параллелизм названий персонажа и божьей коровки. Они выдвинули предположение, что «кажущееся смешение древних корней на самом деле является отражением древней полисемии», восходящей к древнему гнезду **mer-* (‘умирать’ из значения ‘исчезать’, зафиксированного в хеттском), а также ‘наделять’, ‘махать’, ‘сверкать’ (Белетич, Лома 2013, 71). М. Валенцова, обобщая славянские представления о море (маре), приходит к выводу, что это «неопределенное бесформенное невидимое существо, появляющееся ночью, наваливающееся во сне, давящее (душашее) людей, часто приводящее к смерти. Вариации и/или развитие этого основного комплекса значений реализованы в направлениях: ‘болезнь’, в том числе ‘болезнь скота’; ‘ведьма’, также в ипостаси ‘ночная бабочка’, ‘ночной кошмар’; ‘домовой дух’; ‘душа нечистого “заложного” покойника’, ‘вампир’» (Валенцова 2013, 54). К этому можно добавить: у сербов невидимое существо женского пола, которое может превращаться в кошку или козу; ведьма, которая может превращаться в кошку, муху или блоху; у словенцев *mora* ‘злой демон, душаший во сне’; ‘сова’. В Савиньской долине в Словении любое животное черного цвета называют *mora*. В русской традиции с этим же корнем известен персонаж *кикимора* – домовый, проказящий по ночам с пряжей, веретеном, коробами, лихорадка (яросл.), летучая мышь (Дукова 2015, 52).

В своей статье М. Валенцова предпринимает попытку анализа географического распределения названий с корнем *mor-* и названий с корнем *mar-*, делая особенный акцент на словацкой территории, которую она исследовала (Валенцова 2013, 56). Что касается восточной части Польши, данные приводит Ф. Чижевский, ссылаясь на Л. Пелку и Б. Барановского: в Люблинском воеводстве 75 % респондентов знали данного демона под именем *zmora*, 14,8 – *mora*, такая же картина наблюдалась в Мазовии и в центральной Польше. В Подлясье же, напротив, более частым наименованием было *mara*. В Малопольше преобладала лексема *gniotek*, *gnietek* (68 %) против 6,7 % *zmora* (Czyżewski 1993, 64; Baranowski 1981, 65–66; Pełka 1987, 157; см. также: Budziszewska 1991, 17–18). Согласно нашим экспедиционным данным, в Южном Подлясье мифологический персонаж именуется чаще всего *zmora* или *mora*, реже встречается наименование *mara*.

Природа мифологического персонажа

Касательно «природы» мифологического персонажа в различных локальных традициях существуют значительные расхождения. Змора может представляться как живым человеком (сближаясь в этом отношении с ведьмой, колдуном), так и «заложным», нечистым покойником, вредящим после смерти, или же выступать как существо нечеловеческой, демонической природы. Зморы могли считаться душами «заложных» покойников или невинно убитых животных. В редких случаях полагали, что можно стать зморой по желанию, для этого нужно было выполнить особый ритуал (Левкиевская 1999, 342). В Южном Подлясье в основном бытует представление о том, что змора имеет человеческое происхождение: то есть это живой человек, получивший особые способности в результате определенного стечения обстоятельств. Самым частым встретившимся нам объяснением происхождения зморы было следующее: ей становится седьмой по счету ребенок того же пола (чаще дочь) в семье. Поверье о том, что морой становится седьмой ребенок в семье, известно также у кашубов, словенцев и в других странах Европы и не только (Kropej 2008, 301).

Tylko takie było powiedzenie, że siódme kolejne dziecko, to jest nie dziecko, kolejna płeć chyba jak się urodziła, to wtedy to mówili że to zмора... siódme kolejne dziecko, albo siódmy chłopiec albo siódma dziewczyna, zмора mówili... Kasikowa, co na końcu jest, ona jest... ich było chyba dziewięcioro czy dziesięcioro, i właśnie siedem dziewczyn było i tak mówili że jedna z nich zмора (TD, Grzędówka).

Kiedyś to tak mówiły, że jak siedem dziewczyn w rodzinie, niema chłopaka, tylko siedem dziewczyn, że siódma będzie zмору, będzie chodzić tak jak lunatyk, nie pójdzie spać, tylko wszystkie śpio una wychodzi i idzie gdzieś, siódma dziewczyna, siódma w rodzinie... (MS, Adamów).

Tylko zawsze mówiły: w którym domu jest siedem dziewczyn, siódma chodzi na zморы w nocy, nie dobudzi jej... tam jej duch widać, że nie dobudzi jej – że siódma dziewczucha w rodzinie idzie na zморы, jak śpią... (MB, Wola Korycka Górna).

Это поверье встречаем также в книге А. Михалец и С. Небжеговской-Бартмиńskiej: *To jak było siedem pannań. To już ta uostatnio miała mara. No, ale tam chto widziol, że ona mara była? Niewidoczna była ta mara (Gielczew, gm. Wysokie) (Michalec, Niebrzegowska-Bartmińska 2019, 239).*

Относительно пола данного демона у славян существуют различные версии: он может выступать и как исключительно женский персонаж, и вне зависимости от пола (зморой может быть как женщина, так и мужчина). В зафиксированных нами мифологических рассказах о зморе присутствовали зморы-мужчины наравне с женщинами. Полякам, чехам и лужичанам известны зморы-мужчины, представление о мужских ипостасях моры встречается и у хорватов Далмации (Seso 2016, 62). Иногда мужские персонажи имеют особое наименование, например, *morus* 'ы у поляков (Левкиевская 1999, 342). Змора может действовать в одиночку или группой, состоящей из сестер-змор (как правило, их нечетное количество). По нашим полевым материалам множественность змор не подтверждается.

Из этнографической литературы известны и другие обстоятельства, при которых новорожденный якобы становился данным демоном. Поляки верили, что зморой может стать дочь женщины, которая во время беременности прошла между двумя другими беременными. Зморой становились дети, родившиеся с зубами (чеш. морав.), родившиеся в кровавой или синей «сорочке» (серб., хорват.), у сербов зморой становилась девушка, родившаяся в кровавой «сорочке», в том случае, если повитуха сожгла «сорочку» на огне. Зморой могли стать дети, родители которых нарушили сексуальные запреты в определенные дни (зачатые в праздники или во время месячных – серб.). По сербским и хорватским поверьям, змора – дочь вештицы, она является зморой до брака, затем становится вештицей, а после смерти вукодлачицей. У словенцев мора иногда – это дух умершего, особенно женщины, убившей своих нерожденных детей или вызвавшей у себя бесплодие (Kropej 2008, 301). Согласно записанным нами в Южном Подлясье материалам, зморой также становился ребенок, во время крещения которого крестные или священник произнесут вместо „wiary” „mary”²:

To podobnie, że jak się do chrztu podaje dziecko i się nie powie, jak ksiądz tego potrzebuje „z wiary”, a że jak chrzesny nie powiedzo „wiary”, tylko „mary”, i że to dziecko później się robi maro (FS, Trzciniac).

A to zmora to mówili kiedyś, opowiadali, że te zmory to były kiedyś dużo, jak dzieci chrzcili, nie powiedzieli „wiary”, tylko „mary”, i to dziecko później było taką marą <...> Tylko mówię że nie powiedział przy chrzcie tego dziecka „wiary”, tylko „mary”, kiedyś ludzi nie wymawiali jak to teraz już... (BC, Rudzienko).

Аналогичные верования известны и из этнографической литературы: если крестные родители на вопрос священника „Czy chcesz wiary” ответят „Chcę mary”, то крестница станет марой. Ср. у западных украинцев, живущих среди поляков, марой становится девочка, чья крестная забыла ее имя и сказала родителям, что девочку назвали Марой (Чубинский 1878, 196).

В редких случаях информанты ничего не могли сказать о происхождении мифологического персонажа, определяя его как невидимый злой дух, не человека. В данном случае, вероятно, речь идет не о другом персонаже (типа *мары*), а о стирании из памяти некоторых элементов общего мифологического комплекса представлений об этом демоне в исследуемом регионе, так как основные функции персонажа даже при расхождении в имени совпадают.

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ И ВРЕМЯ АКТИВИЗАЦИИ

Не до конца проясненным оказывается вопрос, можно ли считать змору «двоедушником»³ на основании активизации ее вредоносных функций во время сна человека,

² В польском языке слово *mary* означает ‘носилки, на которых кладут покойника’; ‘возвышение, на котором ставится гроб с покойником’ (SJP, s.v. *mary*). <https://sjp.pwn.pl/szukaj/mary.html>

³ О персонажах-двоедушниках см. подробнее: Левкиевская, Плотникова 1999; Валенцова 2016.

в теле которого она пребывает. Сами информанты не акцентируют внимания на наличии второй души у этого персонажа. Данный мотив может трактоваться или как временное оставление душой тела, или как выход из тела второй (злой, нечистой) души, которая в дневное время находится в теле человека, ничем не выдавая своего присутствия. С «дводушничеством» наши информанты не связывали также широко распространенный в Польше обычай давать человеку при рождении два имени. Способность зморы покидать тело спящего человека и вредить по ночам сближает ее с некоторыми другими персонажами, такими как о.-сл. *ведьма*, ю.-сл. *веитица*, *здухач*. При этом ипостась, в которой действует змора, может быть различной. Так, кашубская мора – «душа, которая выходит из тела спящего в виде яблока или груши, реже – в виде кошки, мыши, лягушки, змеи, ночной бабочки или клубка шерсти, и душит людей, животных, особенно лошадей и молодняк рогатого скота, скачет на них верхом, доводя до полного изнеможения, и высасывает сок из деревьев, ночная бабочка, ворчливый угрюмый человек, скряга, женщина легкого поведения» (Sychta 3, 102–106). У хорватов Истрии душа зморы покидает спящее тело в облике мухи (Seso 2016, 68–69). В наших материалах прямое указание на то, в виде какого существа «ходит» змора, отсутствует, однако есть косвенные подтверждения того, что ее могли представлять в виде лягушки (см. ниже). У поляков Южного Подлясья отмечено поверье, что в тот момент, когда змора ходит, человека невозможно добудиться: *nie dobudzi się jej... tam jej duch widać, że nie dobudzi się jej* (МВ, Wola Korycka Górna). Данный факт можно расценивать как косвенное свидетельство в пользу того, что у человека-зморы все-таки одна душа. Однако для того, чтобы утверждать это наверняка, необходимо целенаправленно уточнять у информантов, сколько душ, по их мнению, у зморы. Ночь выступает как типичное время активизации зморы, независимо от ее функций (душит спящего человека или мучает скот). В отличие от стригоня, который вредит после смерти, змора вредит именно при жизни. В рассказах наших информантов также подчеркивалась связь зморы с луной и мотив лунатизма:

Ona w nocy wstaje po księżycu, jak księżyc wejdzie w okno, to wychodzi, przychodzi i nie wie o tym, po prostu sen taki ma, ale to nikt tego nie sprawdził (ТД, Gręzówka).

Będzie chodzić tak jak lunatyk, nie pójdzie spać, tylko wszystkie śpio una wychodzi i idzie gdzieś (MS, Adamów).

Облик зморы

Чаще всего она невидима, или выглядит как неясная тень, при лунном свете можно видеть ее ребра. Отличительные признаки – худоба, костлявость, бледность, длинные ноги и руки (пол.), у хорватов змора – женщина на трех ногах с копытами. Польская змора имеет тяжелый вес (ср. вообще тяжелый вес нечистой силы), скользкая, в виде скелета. Может выглядеть как старая страшная баба, ребенок в красной шапочке (Левкиевская 1999, 342). У польской моры отвисшая нижняя губа. Мужчины-морусы имеют черные сросшиеся брови. У словенцев мора – старуха с длинными когтями и горящими глазами. Часто встречается поверье, что змора

способна к оборотничеству, может принимать вид ночной бабочки или комара (пол., серб.), а также хтонических животных (летучей мыши, кота, мыши, жабы, коня, курицы). Змора может превращаться в различные предметы: яблоко или грушу, клубок ниток (кашуб.), соломинку, проникающую в дверную щель, колосок с ногами (мазур.). По свидетельству поляков Южного Подлясья, змора уродлива, как жаба, или же выступает в ипостаси большой уродливой жабы (при этом информантка приводит диалектное название большой жабы – *carownica* (SGP 1994, 14)): *Jest taka brzydka, to była żaba, w kształcie żaby prawdopodobnież... znacie te czarownice, takie wielkie żaby, czy nie...* (TD, Gręzówka). Мотив оборотничества зморы проявляется в мифологических рассказах о том, как покалечили змору, а наутро обнаружили следы на теле человека, по которым догадались, что именно он и есть змора:

To kiedyś tak mówili, że na weselu, jak końmi jeździli, wozami, i konie były na klepisku stały bo to zima była, tak kiedyś mówili tak... i tam spali też mężczyźni który tam... no i te konie to tak się dokuczają że po prostu, że po prostu no niemożliwe, i ten, jak się któryś tam przebudził, wziął bata i batem tego konia co to się dzieje... a później, jak poszli na wesele, miał chłop przecięte... no był właśnie tą zmorą, i on dusi konie dlatego, przeważnie konie... (BC, Rudzienko).

Данный мотив широко известен всем славянам. Аналогичный сюжет встретился нам у словенцев в Италии (Терская долина, Платискис): в ходе полевого исследования⁴ была записана быличка о том, как мора (*morá*) обернулась котом, ее схватили, подпалили ей усы, а на следующий день у одного парня в селе были опалены усы.

Основные функции

Как уже было упомянуто выше, традиционно главной функцией зморы считается душение спящего человека. Основные ее действия выражаются глаголами: *davum*, *душum*, *coset* (пол. *dusi*, *dławi*, *gniecie*; ср. словен. *tlačí*, *pešta*, *sesa*). Кроме функции душения, она может пить кровь у спящего человека, у женщин сосет из грудей молоко (по этому признаку она сближается с карпатскими женскими демонами – *перелестницами*, *майками*). Змора целует спящего человека, вкладывая свой язык ему в рот, в результате чего он начинает задыхаться. Есть поверье, что существует несколько разновидностей змор: одни специализируются на сосании и душении людей, другие деревьев, третьи сосут овощи и сорняки. Есть зморы, специализирующиеся на домашних животных (Торђевић 1953, 229), есть зморы, могущие сосать даже воду и песок (Sychta 4, 102). В некоторых локальных традициях зморе может приписываться функция подмены ребенка (Diakowska CA PAE).

Интересно, что функция «душить спящего человека» практически не свойственна зморе в Южном Подлясье. Лишь редкие информанты называли ее в качестве второй, наряду с более распространенной – мучить ночью коня в конюшне, пугать гриву и заплетать в ней косички.

⁴ Подробнее об экспедиции см.: Пилипенко, Ясинская 2018.

[Nie mówili kiedyś że niby jest jakaś mara, czy zmora?] *Tak, mówili kiedyś że plecie warkocze <...> kobyle na tej grzywie...* [A kto to jest zmora?] *No to ja wiem?! Jakiś duch... coś takiego co atakowało te zwierzęta...* (JG, Wojcieszków).

[A nie mówili, że koniom ktoś zaplata grzywy?] *Oj to u nas to było jak przyszłam tu... jak do męża przyszłam tu do jego. I przyszedł tęscio rano: „wychodźta ci pokażę... wychodzę i widzę jak zmora napletła warkocze kobyle” <...> Poszłam – to jeden przy drugim warkoczyk pozaplatany w nocy. To jest taka zwana zmora, a co to jest zmora myśmy nie wiedzieli i ja do dziś nie wiem* (MB, Wola Korycka Górna).

*Warkocze są. Później, ale ja później nie widziałam, konieśmy mieli, bo jak mąż żyw to po dwa konie było, po trzy, nie widziałam, jak żyję, zmory, a kiedyś ojciec powiedział, że przychodziła... zmora robiła, że napłóta i tak, mówię, było, jak by klejem sklezione te włosy i skręcone te grzywa, grzywa u konia, na ogonie nie, to zmora, że to było takie... [Dla konia to jest źle?] *No źle! Bo później nie można rozczesać ją, rozrzczać, bo to takie... ojciec mówił, że takie było jakby, jakby kto ślinami zlepił, jakieś, coś jak, jak skleił...* (MS, Adamów).*

Koniom tak, u nas kobyla zawsze z nocy była tak zmordowana i wszystko miała poplecione takie (BC, Rudzienko).

Siadała do kunia i tak i... ten koń zawse był mokry, do stajni poszedł mężczyzna – zawsze był mokry (MR, Rudzienko).

No to mówię, że takie powiedzenie było, ta zmora na koniach warkocze plotła, to było prawdziwe, to było źle, bo mordowała konia, jeździła po koniu, męczyła... koń piana na nim w stajnie była... grzywę splotła, że trudno było roz...tego... (TD, Grzędówka).

[A nie mówili, że koniowi ktoś warkoczyki plecie?] SM: *Mary chodzili, mary...* HM: *Mary... byłam taka mała, tak się bałam, mówię „Boże”! Trzymaliśmy konia, a tata mówi tak: „No już przyszła ta, ta cholera już napłatała włosów koniowi”, ale to myśmy mały byli, nie wiedzieliśmy o co chodzi, a później mówi, że taka mara przychodziła... nikt jej nie widzi...* (SM, HM, Chromin).

[A takie opowieści, że koniowi ktoś splata grzywę?] *Tak, mara. To było niedobrze, bo jak ta mara przychodziła, mówili, że właśnie męczy tego konia, bo tam ten koń taki niewypoczęty jest, ale czy to była prawda, czy to... ale to... powiem Panu szczerze że ten przesąd to jeszcze i do teraz. Czasami starszy osoby tak... koń miał grzywę taką długą i taką miał nieraz popłatana: aj bo to mara mu poplotła. A może to się tak grzywa sama ukręciła* (HG, Starogród).

Наши экспедиционные записи подтверждаются также материалами из архива Университета Марии Кюри-Склодовой в Люблине, опубликованными А. Михалец и С. Небжеговской-Бартмиńskiej, причем данные происходят из того же самого ареала:

Zmory. To plecie warkocze u koni. U nas też tak było, dużo razy plotła. Ten dawny koń jak był, to zawsze miał naplecione warkoczy takich. A obcinać nie wolno było tych warkoczy, bo mówili, że na nowo będą naplecione, że to jest gorzej (Ulan-Majorat).

To kiedyś koni, to mówili, że zmora dusi, bo na tej grzywie to take, take, pani, grzywa mieli spleciono, jak sie, zeby człowiek nie ukręcił tak włosów ładnie. Pokręcane warkoce, tak poplecione mają To mówiły, że to zmora. [I rano się zajdzie do stajni, to koń] spocony.

Ze to zmora dusiła. A te grzywo to ma splecione, jakby warkoców naplecione, ze tego nie rozedrze, tak splecione jest (Gręzówka Nowa, gm. Łuków).

Некоторые информанты скептически относятся к данному поверью и полагают, будто грива у коня оказывается спутана из-за того, что конь голоден или нездоров (что, впрочем, не отменяет наличие в данном регионе этого мифологического представления):

No, to było, no przeważnie na zmory to mówili, że jak grzywa skręcona u koni, to zmora dusi. Ale to żadna, nie żadna zmora, tylko jeść się chciało koniowi <...> i mówi zmora. Bo dobry koń nie miał zmory, tylko jak biedny koń, to grzywa była skręcona, no zmora (Motycz, gm. Konopnica) (Michalec, Niebrzegowska-Bartmińska 2019, 239–240).

Ср. также материалы в статье П. Ласоты, исследовавшего территорию восточной части Мазовецкого и центральной части Люблинского воеводств:

Kunie miały warkoczce popleciune w stajni, kiedyś tutej we dworze wyprowadziły, to co maju te grzywy, to miały warkoczce popleciune takie, a to ogony im poplotły jakoś [J.L., Daniszów, 2009]; *Kunie jak długie grzywy miały [wtedy miały warkoczce], bo jak miał krótku, to tylko potargane. To tyż może nie była zmora, tylko kuń się pocił i się tar, tar i tak się robiło, bo czego teraz tak nima?* [Jan L., Daniszów, 2009]; *Jo to nie wierze, że zmorów nie było, bo to był normalnie w trzy pasymka upleciuny warkocz, albo takie loki poklecone były* [A. P., Jelonek, 2009] (Lasota 2011).

Поверья о том, что заплетать гривы коням и мучить их по ночам может *мара коньска*, было зафиксировано у русских старообрядцев в Польше в районе Августова. Вероятно, данное представление было заимствовано ими от польских соседей (Узенёва 2019, 306).

Функция путать гривы коням характерна для *мары* (*mary*) также в белорусской и некоторых других польских традициях, однако под этим именем может подразумеваться персонаж в виде ласки (зверька с когтями), который гоняет и мучает по ночам скот (Гура 1997, 226–227). Интересно, что на наш вопрос, кто мучает коня и заплетает ему гриву, лишь одна из информанток ответила, что этим занимается ласка. Возможно, данный факт означает, что нам удалось обнаружить границу ареала, в котором указанная функция приписывается зморе, однако это всего лишь предположение, нуждающееся в дальнейшей верификации. Разрозненные свидетельства о том, что змора заплетает гривы коням, известны также в польском Коцевье (Левкиевская 1999, 343). В этнографической литературе встретилось поверье о зморе, обладающей данной функцией, зафиксированное на севере Польши, в Варминско-Мазурском воеводстве (Ольштынек) (Czyżewski 1998, 141). Также данная функция известна у кашубов: о лошадях, которых утром находят измученными, говорят, что их душила мора (*mora dęšęła*) (Sychta 4, 102–105).

На втором месте нашими информантами указывалась функция зморы вредить людям во сне, о ней вспоминали не все опрошенные, однако нам удалось записать несколько свидетельств от людей, слышавших о таком вредоносном действии данного демона или даже испытавших его на себе:

НМ: *A czasami też pamiętam to i ludzie męczyła... dusiła ludzi.* SM: *Przebudził się człowiek cały spocony i czuł na sobie...* НМ: *Siadała tutaj na klatce piersiowej...*

SM: *Na klatce piersiowej, to z opowieści, bo ja na sobie tego nie stwierdziłam, no ale kiedyś moja babcia właśnie Wysocka mówiła: „Już mara u mnie była”. Obudziła się cała ona mokra, można było wszystko zdjąć i wyjąć, bo to było cało mokre, mówiła tak ciężko... HM: To jak człowiek na wznak leżał, jak na boku to nie... SM: Babcia opowiedziała i to widziałam na własne oczy, że ona obudziła się cała spocona... ona się przebudziła i podniosła się i obudziła mamę i mówi: „Marysiu, mów, poszukaj mi jakiejś koszuli, bo, mówi, ja jestem cała mokra, już ta mara u mnie była” (SM, HM, Chromin).*

*A ile razy człowieka dusi, mnie ile razy dusiła... [Dusiła?] Oczywiście! Nie można słowa złapać, nie można się ruszyć... tego się nie widzi, tylko czuje... Jeszcze taki był, ja wam opowiem, taki był dzień, mąż poszedł na... to już było kupę lat temu, poszedł na wieś, a ja tam jeszcze w tym mieszkaniu w drugim, potem ono nam się spaliło, tak sobie spałam na łóżku i miałam taką... i tam zawsze sobie kładłam różaniec, i tam była nocna lampka i ona się świeciła... i ja poszłam układałam się spać i w tym czasie od nogów to zaczyna... Od nogów ciężko jakby się ktoś na ciebie ogromny położył i cię dusi: ani złapać dchu ani czego... no mówię już tera już umrę, nie dam rady... to niejaki jakby we śnie, bo to półsen-półjawa... i usłyszałam jak mąż idzie tu <...> i przyszedł i chlapnął dżwiami, a ja [wzдох] mówię: „Dobrze żeś przyszedł, chyba ba mnie udusiła”... tych zmor to było! (MB, Wola Korycka Górna). Та же самая информантка рассказала, что в прежние времена часто можно было услышать следующий диалог между соседками: *Ona potału nikogo nie udusiła, tylko zmęczy, zmęczy prawie do ostatniego dchu... a ile razy o kobiety na wsi jak rano wstały, to sąsiadka do sąsiadki: „Oj, dziś jak me dziś zmore dusiła, to już myślałam że już nie wytrzymum”...**

Поскольку данная функция зморы в исследуемом регионе встречается реже, нам не удалось записать поверий о том, кто чаще всего становится жертвой зморы. Например, у сербов, лужичан и словенцев считается, что этот демон может нападать преимущественно на неженатых молодых мужчин, овчаров, рожениц в течение шести недель после родов, маленьких детей. Лужичане верили, что она преимущественно нападает на своих родных, тех, о ком много думает и тоскует. Словенцы полагали, что она сосет молоко из младенцев, отчего у них припухлые соски (Kropej 2008, 301). У сербов мора имеет облик красивой молодой женщины. В результате ее воздействия человек сохнет, чахнет и умирает. На теле появляются темные пятна и кровоподтеки (у болгар *морава* – невидимое существо, которое бьет ногой спящих, оставляя на теле синяки – Дукова 2015, 52). Мужчины, к которым ходит мора, имеют отвислые груди, а дети твердые соски, из которых сочится молоко (серб.). Встретилось редкое свидетельство, что у болгар человек, которого душит змора, не страдает от болезней и счастлив. На деревьях, если на них нападает змора, появляются уродливые наросты, вода в реках и озерах убывает (Левкиевская 1999, 343; Czyżewski 1998, 139).

У южных и западных славян существует поверье, что змора проникает в помещение через любое даже самое маленькое отверстие (например, через замочную скважину) (серб., пол., кашуб., чеш.), летает через трубу (пол.), она может открыть любые двери (серб.). Согласно сербским поверьям, она приходит в те дома, где

есть «проклятые деньги», то есть добытые нечестным путем. Змора передвигается в решете, на метле, на колесе от тачки, мотовиле, коловороте от прялки или в тележке с одним колесом (пол., кашуб.), колесе от плуга (пол.) или же сама превращается в колесо (кашуб.) (Левкиевская 1999, 343). В наших материалах подобные свойства зморы не были отмечены, однако встретилось свидетельство, что змора обладает способностью ходить по потолку. О ребенке, который был зморой, информантка рассказала: *ono [dziecko] chodziło po suficie gdzie tylko, i ono nie spadło, nie daj Boże żeby się odezwać tylko do niego* (Bronisława Czajka, Rudzienko). Сходное свидетельство (о том, что змора ходила по крыше) встретилось также в материалах А. Михалец и С. Небжеговской-Бартмиńskiej: *To była, to sie mara nazywała, to óna chodziła po dachu. Wysła na dach, chodziła i nie zleciała* (Giełczew, gm. Wysokie) (Michalec, Niebrzegowska-Bartmińska 2019, 242).

ОБЕРЕГИ ОТ ЗМОРЫ

Согласно нашим материалам из Южного Подлясья, одним из предметов-оберегов от человека-зморы была коса, положенная острием вверх:

U nas kobyła zawsze z nocy była tak zmordowana i wszystko miała poplecione takie, to mąż kosę kładł w okienko tym ostrym do góry, jak będzie szedł, się skaleczy i nie przyjdzie... (BC, Rudzienko).

To ludzie przy drzwiach kosy sobie zakładały, żeby ten nie przyszedł, żeby nie napłót tych warkoczyków, bo koń później na coś chorował (AW, Wróble Wargocin).

В качестве другого оберега наши информанты называли зеркало, которое вешалось в хлеву с целью, чтобы змора увидела себя и больше не приходила. Это действие мотивировано тем, что змора настолько страшная, что может испугаться сама себя:

I wtedy mówi do mnie tęscio tak: „Słuchoj, jutro jo idę te warkociki rozpletę i tu poratuję, ale jutro już nie psyjdzie”. „A co tatuś zrobie?” „Lusterko postawię”. Wziął z domu lusterko, zwierciadelko, zaniósł tam co stała kobyła, na ścianie przybił, oparł... ona jak przyjdzie i się przejrzy... i więcej nie przyszła... jak się przejrzy w lusterku ta zmara cała... (MB, Wola Korycka Górna).

A był sposób, że trzeba było lusterko koniu w stajni postawić, to też było sprawdzone, tylko gdzieś tak żeby koń nie dostał, przejrzala się że jest taka brzydka, to była żaba, w kształcie żaby prawdopodobnie... przejrzala się że taki potwór jest, znacie te czarownice – takie wielkie żaby czy nie... i jak się przejrzala, to odeszła, bo bardzo na siebie nie mogła patrzeć – taka była brzydka, takie były zwyczajne, ale później jednak już nie wróciła... (TD, Gręzówka).

Зеркало в роли оберега от зморы упоминается и в материалах А. Михалец и Небжеговской-Бартмиńskiej, более того, информант объясняет исчезновение змор в последнее время тем, что в домах стало много блестящих поверхностей, которых зморы боятся: *Jakoś tera przestało być i zmorów nie ma. Teraz może, może zmory to za dużo jest tych przejrzystych rzeczy w mieszkaniu, bo i lustra są i wejdzie się tylko, to wszędzie lustra, to może się ona i boi, ta zmara. Ja tak sobie myślę* (Wólka Kątna, gm. Markuszów) (Michalec, Niebrzegowska-Bartmińska 2019, 241). Зеркало в качестве

оберега от зморы известно также у сербов (Левкиевская 1999, 343), словенцев (Kropej 2008, 302).

Также в качестве оберега использовали изображение Божией Матери: *obrazie czepiało się, obrazie były, takie wizerunki Matki Boskiej czy Pana Jezusa...* (MR, Rudzienko).

Наряду с косой, зеркалом и иконой у славян отмечены такие универсальные обереги от зморы, как: нож (пол., серб.), иголка (пол.), топор (пол.), чеснок (болг.), пояс поверх одеяла (серб.), папоротник (словен.), хлеб (пол.), святая вода, освященные травы, крест на дверях, Евангелие и пр. От зморы забивали кол в дырку от сучка в двери. Над спящим человеком замыкали замок, чтобы поймать змору (словац.) (Левкиевская 1999, 343). Словенцы рисовали на дверях, спинке кровати или колыбели младенца пентаграмму, шестиконечную звезду или Андреевский крест (*morino znamenje, morina pedla, morina taca, morska taca, morska noga, bezova taca, bezova roka, goreča roka, Salomonov križ*) (Kropej 2008, 302).

Важным защитным средством было уже и само распознавание зморы. Душашую ночью змору приглашали зайти утром, обещая дать ей хлеба и соли. Первая пришедшая наутро женщина и была змора (серб., хорв., чеш., пол.). Калечили животное, в которое была обращена змора, например, летучую мышь, наутро должна была прийти женщина в обгорелой сорочке (серб.). Мотив калечения зморы встретился в одном из записанных нами мифологических рассказов о зморе (см. выше). Хорваты в Далмации полагали, что распознать змору можно было во время церковной службы: когда священник возглашает «Господу помолимся!», все зморы стоят спиной к алтарю (данный мотив перекликается с известным поверьем о распознавании ведьм с помощью «люциинового стульчика»: если встать на такой стульчик во время Рождественской мессы и посмотреть на молящихся, можно увидеть ведьм по тому, что они будут стоять в церкви спиной к алтарю).

Также в качестве оберега от зморы применялся такой прием, как обман. Пытались обмануть змору, оставляя ботинки носами к двери (пол., мазур.), оставляли вместо себя в постели сноп соломы или ложились ногами туда, где должна быть голова. Сербы пытались прекратить хождение зморы, используя плоды. Нужно было купить сорок различных плодов и каждый день брать с собой в туалет по одному плоду. Когда человек справляет нужду, съедает один плод, в этот момент его спрашивают, что ешь, и ответ был: «Я ем яблоко, а мора пусть ест говно». Когда все плоды будут съедены, мора отстанет от человека (Ђорђевић 1958, 567). Поляки верили, что если поймать змору и обещать ей награду, она придет утром в своем человеческом облике, возьмет то, что ей пообещали, уйдет и больше не будет приходить.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

Чтобы ребенок не стал зморой, мать принимала превентивные меры. Ребенку, родившемуся с зубами, мать давала во время первого кормления в рот кусок дерева, переводя вредоносность на деревья. Если ребенок родился в кровавой сорочке, сербы верили, что нужно подняться в первую полночь на крышу дома и крикнуть, что ребенок родился в кровавой сорочке.

Сама змора, чтобы избавиться от своей судьбы, должна кому-то или чему-то признаться, что она змора, пусть даже дереву или земле, выкопав в ней ямку, и обещать больше не вредить (серб.) (Левкиевская 1999, 344).

В нашем материале не встретилось способов нейтрализовать вредоносную силу зморы. Возможно, это объясняется тем, что в данном регионе исследуемый мифологический персонаж представлен в узко локальном варианте, и причины, по которым человек якобы становится зморой, воспринимаются как нечто неизбежное, что невозможно каким-либо образом отменить. Что касается действий самого человека-зморы по избавлению от своих вредоносных функций, наши информанты поясняли, что сам человек может даже и не знать о том, что он змора, ведь она действует тогда, когда он спит: *to wychodzi, przychodzi i nie wie o tym, po prostu sen taki ma* (ГД, Gręzówka).

ПАРАЛЛЕЛИ С ДРУГИМИ МИФОЛОГИЧЕСКИМИ ПЕРСОНАЖАМИ

Все функции, приписываемые зморе в том или ином регионе, не уникальны для данного персонажа – в других регионах эти же функции могут выполнять другие демоны. Например, зморе может приписываться функция подмены детей (в этом она сближается с богинкой, стригой, дивожонкой). Также в образе зморы очевидно проявляется связь с миром мертвых и с домашними духами. Так, в севернорусской традиции функция душить спящего человека характеризует домового. Змора имеет сходные черты с двоедушниками (выход души из тела во время сна), с ведьмой (оборотничество). Функция заплетания гривы сближает змору с лаской, домовым, «хохликом», богинкой, карликами-краснолюдками, у словенцев в Италии данная функция приписывается шкратам (гномам), в Далмации – вилам, в Полесье отмечено единичное поверье, что этим занимается русалка (Гура 1997, 226–227). Встречаются также гибридные формы поверий: в польской Мазовии змора, заплетающая гриву коню, может принимать облик белки (Скерневицкое воев., Бартники), в том же регионе змора, мучающая ночью человека или коня, известна в облике ласки (р-н Макова Мазовецкого), по другим польским поверьям, змора появляется в облике кошки. При этом само действие «заплетать гривы» может оцениваться как отрицательно, так и положительно (домовой любит скотину и поэтому заплетает, этот конь счастливый), однако в тех случаях, когда гриву заплетает мифологический персонаж змора, это действие однозначно воспринимается как негативное: многие наши информанты подчеркивали, что змора мучает коня, гоняет его, на утро его находят мокрого, в пене, и данное состояние часто приводит к болезни животного.

ВЫВОДЫ

По всей вероятности, польская змора из Южного Подлясья представляет собой довольно редкий локальный вариант данного персонажа благодаря набору функций и свойств, ей приписываемых. Если самой типичной функцией зморы (входящей

в ее определение в словаре «Славянские древности») обычно считается душение человека во сне, то в Южном Подлясье на первый план выступает функция заплетания гривы коням – так змора здесь некоторым образом берет на себя функции домового-ласки, что отражается на всем фрагменте системы мифологических персонажей, связанном с домашней и хозяйственной (скотоводческой) сферой. Характерно, что в данном регионе представлений о домовых духах нами зафиксировано не было, а отдельные поверья, связанные с лаской, встречались (при этом сами информанты не отождествляли ее с домовым духом). Ласка, в отличие от зморы, согласно сообщениям наших собеседников, вредит коровам, а не коням (отбирает молоко, высасывает его и т.п.). Функция заплетания гривы коням на исследованной территории практически повсеместно приписывалась зморе (маре), и лишь одна информантка на вопрос о том, кто заплетает гривы, ответила, что это делает ласка (GL, Łomnica). Географические параллели данному локальному варианту приводит А.В. Гура в своей монографии «Символика животных в славянской народной традиции». Эта функция приписывается зморе не только в исследуемом ареале, она спорадически встречается в некоторых других населенных пунктах на территории Польши в основном ближе к востоку (Турось Косцельна на Белосточчине, Окшув в Хелмском воев.), известна она также на севере – в польском Коцевье (Гура 1997, 225–226), однако в том регионе, о котором идет речь, данный мифологический мотив составляет довольно плотный ареал, покрывающий территорию к юго-востоку от Варшавы (район Лукова, Седльца и Гарволина), что подтверждается данными нашего полевого исследования и опубликованными в других источниках сведениями. Южноподляскую змору характеризуют некоторые признаки двоедушичества: она имеет человеческую природу и активизируется во время сна того, в ком она живет (сам человек при этом может и не подозревать об этом). При том, что персонаж чаще всего именуется в речи наших информантов *зморой* и *морой* (название *мара* встретилось в двух из 16 населенных пунктах – Хромине и Старогруде (HG)), термины *змора* и *мара* в нарративах могут отождествляться, о чем свидетельствует факт, что в рассказах о происхождении *зморы* фигурирует наименование *mara* (крестные во время крещения перепутали слова *wiara* и *mara*), что совершенно не смущает рассказчиков. Впрочем, в данном случае невозможно полностью исключить и вероятное влияние рифмы: название *zmora* могло трансформироваться в *mara* под воздействием созвучного слова *wiara* (ср. также дополнительные «похоронные» коннотации слова *mara* благодаря аттракции с лексемой *maru* ‘носилки, на которые кладут покойника’). О зморе рассказывали все наши информанты, и их нарративы содержали устойчивые, повторяющиеся элементы с незначительными вариациями. Однако для установления точных границ данного ареала необходимо дополнительное сплошное исследование территории, желательно с применением специального вопросника, который дал бы возможность получить исчерпывающую информацию (пример такого вопросника см. ниже).

ПЕРСПЕКТИВЫ

При огромном многообразии локальных вариантов образа *зморы* – этого общеславянского и, шире, выходящего за рамки славянского мира персонажа – представляется перспективным продолжить исследования с акцентом на географический аспект и предпринять попытку картографировать не только имя, но и функции демона, формулируя вопросы следующим образом: как называется существо, которое душит спящего человека? Как называется существо, которое гоняет скотину в хлеву и заплетает гривы в косички? Каким образом вредит *змора / мара*?

При исследовании локальных вариантов поверий о зморе целесообразно придерживаться схемы описания мифологического персонажа, разработанной для словаря «Славянские древности»: задавать вопросы о внешности персонажа; его происхождении; вредоносных функциях; адресате, на который в первую очередь направлены вредоносные действия; времени активизации; способах магической защиты от него. Только собрав сведения по каждому из этих пунктов, можно будет получить полную картину локальных вариантов данного мифологического персонажа и их распределения на карте, установить диалектные различия в наборе релевантных признаков. В дальнейшем предполагается выяснить, какие признаки и функции, приписываемые этому персонажу, меняются, а какие остаются неизменными, уточнить, имеется ли набор «персонажеобразующих» признаков, возможно ли говорить о едином персонаже, имеющем локальные изводы, или о группе различных персонажей, которых объединяет лишь имя. Учитывая общеславянский (и, шире, общеевропейский) характер данного мифологического персонажа, это представляется весьма перспективным.

ИНФОРМАНТЫ

- FS – жен., 1938 г.р., Trzcinec, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Siedlecki, gm. Skórzec;
 TD – жен., 1937 г.р., Gręzówka, woj. Lubelskie (Siedleckie), pow. Łukowki, gm. Łuków;
 JG – жен., 1940 г.р., Wojcieszków, woj. Lubelskie (Siedleckie), pow. Łukowki, gm. Wojcieszków;
 MS – жен., 1933 г.р., Adamów, woj. Lubelskie (Siedleckie), pow. Łukowki, gm. Adamów;
 AW – жен., 1941 г.р., Wróble-Wargocin, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Garwoliński, gm. Maciejowice;
 MB – жен., 1943 г.р., Wola Korycka Górna, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Garwoliński, gm. Trojanów;
 GL – жен., 1937 г.р., Łomnica, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Garwoliński, gm. Żelechów;
 SM – жен., 1941 г.р., Chromin, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Garwoliński, gm. Borowe;
 HM – жен., 1957 г.р., Chromin, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Garwoliński, gm. Borowe;
 HG – жен., 1942 г.р., Starogród, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Miński, gm. Siennica;
 BC – жен., 1938 г.р., Rudzienko, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Otwocki, gm. Kołbiel;
 MR – жен., 1932 г.р., Rudzienko, woj. Mazowieckie (Siedleckie), pow. Otwocki, gm. Kołbiel;
 BS – жен., 1942 г.р., Kaleń, woj. Lubelskie, pow. Puławski, gm. Markuszów.

ЛИТЕРАТУРА

- Белетич, Марта Лома, Александр, 2013: Сон, смерть, судьба (наблюдения над прасл. **mora*, **mara*): *Slavica Svetlanica: Язык и картина мира*. Сб. к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 56–75. [Bjeletič, Marta, Loma Aleksander, 2013: Son, smert', sud'ba (nabliudeñiia nad prasl. **mora*, **mara*): *Slavica Svetlanica: Iazyk i kartina mira*. Sb. k iubileju S. M. Tolstoi. Moskva: Indrik, 56–75].
- Валенцова, Марина М., 2013: Этнолингвистический комментарий к этимологии слов мара и упырь: *Etymology: An old discipline in new contexts*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 85–99. [Valentsova, Marina M., 2013: Etnolingvisticheskkii kommentarii k etimologii slov mara i upyr': *Etymology: An old discipline in new contexts*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 85–99].
- Валенцова, Марина М., 2016: Мультипликация души: славянские поверья о двоедушниках: *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. Dusza w oczach świata*. Pod red. Ewy Maślowskiej, Doroty Pazio-Wlazłowskiej. Т. 1. Warszawa: Instytut Sławistyki PAN, 487–499. [Valentsova, Marina M., 2016: Mul'tiplikatsiia dushi: slavianskie pover'ia o dvoedushnikakh: *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. Dusza w oczach świata*. Pod red. Ewy Maślowskiej, Doroty Pazio-Wlazłowskiej. Т. 1. Warszawa: Instytut Sławistyki PAN, 487–499].
- Гринченко, Борис Д., 1908: *Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»*. Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко. Т. II (З–Н). Киев: друк. акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького. [Grinchenko, Boris D., 1908: *Slovar' ukrainskogo iazyka, sobrannyyi redaktsiei zhurnala "Kievskaiia starina"*. Redaktiroval, s dobavleniem sobstvennykh materialov, Grinchenko, B.D. Т. II (Z–N). Kiev: drukarnia aktsiinogo tovaristva N.T. Korchak-Novits'kogo].
- Гура, Александр В., 2017: Экспедиция в Южное Подлясье: *Славянский альманах*, 2017, 3–4, 449–462. [Gura, Aleksander V., 2017: Ekspeditsiia v Iuzhnoe Podlias'e: *Slaviankii al'manakh*, 2017, 3–4, 449–462].
- Дукова, Уте, 2015: *Наименования демонов в болгарском языке*. М.: Индрик. [Dukova, Ute, 2015: *Naimenovaniia demonov v bolgarskom iazyke*. Moskva: Indrik].
- Ђорђевић, Тихомир Р., 1953: *Вампир и друга бића у нашем народу веровању и предању*. Београд (СЕЗб. Књ. 67). [Ђорђевић, Тихомир Р., 1953: *Vampir i druga bića u našem narodom verovanju i predanju*. Beograd (SEZb. Knj. 67)].
- Ђорђевић, Драгутин, 1958: *Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави*. Београд (СЕЗб. Књ. 70). [Ђорђевић, Dragutin, 1958: *Zhivot i obichaji narodni u Leskovachkoj Moravi*. Beograd, 1958 (SEZb. Knj. 70)].
- Левкиевская, Елена Е., 1999: Змора: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 341–344. [Levkievskaya, Elena E., 1999: Zmora: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskkii slovar'*. Pod obshch. red. N. I. Tolstogo. Т. 2. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 341–344].
- Левкиевская, Елена Е., 2004: Мара: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 178–179. [Levkievskaya, Elena E., 2004: Mara: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskkii slovar'*. Pod obshch. red. N. I. Tolstogo. Т. 3. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 178–179].
- Левкиевская, Елена Е., Плотникова, Анна А., 1999: Двоедушники: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 29–31. [Levkievskaya, Elena E., Plotnikova, Anna A., 1999: Dvoedushniki:

- Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*. Pod obščh. red. N.I. Tolstogo. T. 2. Moskva: Mezhdunarodnye otnošenii, 29–31].
- Пилипенко, Глеб П., Ясинская, Мария В., 2018: Экспедиция к словенцам в Италии: *Славяноведение*, 2018, 1, 106–111. [Pilipenko, Gleb P., Jasinskaja, Marija V., 2018: Ekspeditsiia k sloventsam v Italii: *Slavianovedenie*, 2018, 1, 106–111].
- Толстой, Никита И., 1990: Двоедушник: *Мифологический словарь*. Под общ. ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 77. [Tolstoi, Nikita I., 1990: Dvoedushnik: *Mifologičeskii slovar'*. Pod obščh. red. E.M. Meletinskogo. Moskva: Sovetskaia entsiklopediia, 77].
- Узенёва, Елена С., 2017: О традиционной народной культуре староверов Польши: *Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья*. Коллективная монография. М.: ИСл РАН, 270–311. [Uzeniova, Elena S., 2017: O traditsionnoi narodnoi kul'ture staroverov Pol'shi: *Russkii iazyk i narodnaia traditsiia staroobriadtsev zarubezh'ia*. Kollektivnaia monografiia. Moskva: ISl RAN, 270–311].
- Фасмер, Макс, 1986–1987: *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2. Т. 1–4. М.: Прогресс. [Vasmer, Max, 1986–1987: *Etimologičeskii slovar' russkogo iazyka*. Transl. from germ. and add. O.N. Trubacheva. Izdanie 2. T. 1–4. Moskva: Progress].
- Чубинский, Павел П., 1872–1878: *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел*. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинским. Т. 1–7. Т. 1. Вып. 1: Верования и суеверия. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп. [Chubinskii, Pavel P., 1872–1878: *Trudy etnograficheskoi statističeskoj ekspeditsii v Zapadno-Russkii krai, snariazhennoi Imperatorskim Russkim geograficheskim obščhestvom: Iugo-Zapadni otдел*. Materialy i issledovaniia, sobrannye d. chl. P.P. Chubinskim. T. 1–7. T. 1. Vyp. 1: Verovaniia i sueverii. Sankt-Peterburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp.].
- ЭССЯ, 1974—: *Этимологический словарь славянских языков*. Под общ. ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–. М.: Наука. [ESSJa, 1974—: *Etimologičeskii slovar' slavianskikh iazykov*. Pod obščh. red. O.N. Trubacheva. Vyp. 1–. Moskva: Nauka].
- Юсим, Марк А., 1997: Мара: *Мифы народов мира*. Энциклопедия. В 2 т. Под ред. С.А. Токарева. Т. 2. К–Я. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 110. [Yusim, Mark A., 1997: Mara: *Mify narodov mira*. Entsiklopediia. V 2 t. Pod red. S.A. Tokareva. T. 2. K–Ja. Moskva: Nauchnoe izdatel'stvo "Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia", 110].
- Ясинская, Мария В., 2017: Этнолингвистическая экспедиция в славянский архаический ареал Подлясье: *Славянский мир в третьем тысячелетии: Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы*. Отв. ред. Е.С. Узенёва. М.: ИСл РАН, 498–505. [Jasinskaja, Marija V., 2017: Etnolingvističeskaia ekspeditsiia v slavianskii arkhaičeskii areal Podlias'e: *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii: Etničeskie, konfessional'nye, sotsiokul'turnye komponenty identičnosti narodov Tsentral'noi, Vostočnoi i Iugo-Vostočnoi Evropy*. Otv. red. E.S. Uzeneva. Moskva: ISl RAN, 498–505].
- Baranowski, Bohdan, 1981: *W kręgu upiórów i wilkołaków*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie.
- Budziszewska, Wanda, 1991: Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, XXVII, 1991, 17–23.
- Czyżewski, Feliks, 1993: „Zmora”: *Profilowanie pojęć*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 64–74.
- Czyżewski, Feliks, 1998: 'Zmora': *Etnolingwistyka*, 1, 133–143.

- Diakowska, Edyta: “Nazwa demona, którego funkcją poboczną jest porywanie lub odmienianie dzieci, I / Name of the fairy whose secondary occupation was to abduct or swap children, I (mapa 10) [na podstawie badań PAE z lat 1969-1976],” *Cyfrowe Archiwum Polskiego Atlasu Etnograficznego*. <http://www.archiwumpae.us.edu.pl/items/show/10706>. Oględano 19.10. 2020.
- Kropej, Monika, 2008: *Od ajda do zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec – Ljubljana – Dunaj: Mohorjeva založba.*
- Lasota, Piotr, 2011: Zmora w polskiej demonologii ludowej na podstawie relacji z terenu wschodniego Mazowsza i Lubelszczyzny: *Pismo folkowe (Gadki z chatki)*, 96. Październik, 2011. Wersja elektroniczna: <https://pismofolkowe.pl/artukul/zmora-4042>. Oględano 19.10. 2020.
- Michalec, Anna, Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława, 2019: *Jak chłop u diabła pieniądze pożyczał. Polska demonologia ludowa w przekazach ustnych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Moszyński, Kazimierz, 1934: *Kultura ludowa Słowian*. T. 2. Kultura duchowa. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Pełka, Leonard J., 1987: *Polska demonologia ludowa*. Wrocław: Iskry.
- Seso, Luka, 2016: *Živjeti s nadnaravnim bićima: Vukodlaci, vile i vještice hrvatskih tradicijskih vjerovanja*. Zagreb: Naklada Jesenski i Turk.
- Skok, Petar, 1971–1974: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 1–4. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.
- SGP, 1994: *Słownik gwar polskich*. Pod red. J. Reichana, S. Urbańczyka. T. V. Z. 1 (13). Czarny–Czupiradło. Kraków: Instytut języka polskiego.
- SJP: *Słownik języka polskiego*. <https://sjp.pwn.pl>. Oględano 19.04. 2021.
- Sychta, Bernard, 1967–1976: *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. T. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

SUPERNATURAL BEING NAMED (Z)MORA / MARA IN THE SOUTHERN
PODLASIE TRADITION, VIEWED ON POLISH AND ALL-SLAVIC
BACKGROUND

MARIJA V. JASINSKAJA

The study of supernatural beings under the names derived from the roots **mor - / *mar-* has received much attention in both ethnographic and linguistic (etymological) research. However, this topic cannot be considered abundantly studied. Any supernatural being can not be regarded as a fixed, unchangeable set of beliefs alluded to a name. On the contrary, it consists of a group of motives and functions that often have a bias to a local tradition. Depending on the tradition, different functions can be assigned to the same evil spirit (just as the same function can be attributed to different supernatural beings). Some functions dominate, other ones step aside and become secondary. The author analyzes the structure of the supernatural being named “*zmora*” (“*mara*”), using the field materials of Southern Podlasie in Poland. During the field research in 2017 it became clear that this region presents a local version of the studied evil spirit, whose main difference is the non-typical function of “tangling and braiding horses’ manes “. In different parts of the Slavic world this function can be assigned to various evil spirits: a weasel (lat. *Mustela nivalis*), a house spirit (domovoy), a “khokhlik”, a “boginka”, dwarfs-“*krasnoludek*”. The Slovenes in Italy attribute this function to “*shkrat*’s” (dwarves). In Dalmatia this activity is attributed to the female evil spirits “*vilas*”. A single folk narrative, registered in Polesie (Byelorussia), says that this is done by a mermaid. *Zmora* of Southern Podlasie partly takes upon herself the functions of a house spirit, a kind of weasel (lat. *Mustela nivalis*), that is reflected in the entire fragment of the mythological characters’ system associated with the domestic and economic (cattle-breeding) sphere. It is significant that we have not recorded any account of house spirits in this region, but we have noticed that some beliefs similar to those of the house spirits are ascribed to the weasel, though the informants themselves did not identify it with a house spirit. The *zmora* of South Podlasie is characterized by some signs of a creature with two souls: the second one can leave the body. It has a human nature and becomes active during the sleep of the person in whom it lives (while the person may not be aware of this). This supernatural being is most often referred to as *zmora* (the name *mara* was found in two of the 16 settlements), though the terms *zmora* and *mara* are documented in narratives as identical ones. The local version of the mythological character from Southern Podlasie is analyzed in a wider Polish and all-Slavic perspective.